

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                              |     |
|----------------------------------------------|-----|
| Предисловие к русскому изданию.              |     |
| <i>Метродий, епископ Егорьевский</i> .....   | 4   |
| Предисловие. <i>Роуэн Уильямс</i> .....      | 9   |
| Вступительное слово. <i>Джон Биннс</i> ..... | 14  |
| <br>                                         |     |
| Введение .....                               | 20  |
| Глава 1. Вера.....                           | 25  |
| Глава 2. Природа Бога .....                  | 55  |
| Глава 3. Бог как Творец.....                 | 77  |
| Глава 4. Христос, Слово Божие .....          | 105 |
| Глава 5. Сын Божий в учении Церкви.....      | 127 |
| Глава 6. Спасение от греха.....              | 155 |
| Глава 7. Искупление греха .....              | 177 |
| Глава 8. Богородица.....                     | 197 |
| Глава 9. Воскресение и Вознесение .....      | 229 |
| Глава 10. Суд.....                           | 245 |
| Глава 11. Святой Дух .....                   | 269 |
| Глава 12. Церковь .....                      | 281 |
| Глава 13. Крещение.....                      | 327 |
| Глава 14. Наша жизнь во Христе .....         | 339 |
| Заключение .....                             | 350 |
| <br>                                         |     |
| Именной указатель.....                       | 352 |

# ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Книга, которую читатель держит в руках, стала для меня лично, спустя многие годы, прошедшие с нашей встречи с владыкой Антонием Сурожским (Блумом) в 2001 году в Лондоне, неким новым опытом продления нашего общения. Несмотря на то, что прошло уже более 20 лет, как владыка перешел в мир иной, он продолжает касаться сердец людей, и моего сердца в частности.

Эта новая книга живых, вдохновляющих мыслей приснопамятного митрополита Антония представляет собой захватывающий опыт осмысления, проживания и практического применения в повседневной жизни нашего православного Символа веры.

Написана она для современного христианина одновременно доступным и глубоким языком, что, в целом, характерно и для иных сочинений и слов владыки Антония. Он, как всегда, обращается к читателю глубоко личным образом, прибегает к разнообразным формам интерпретации и донесения материала, не стесняясь вскрывать сопутствующую проблематику поднимаемых вопросов.

Владыка интересно и доходчиво рассматривает фундаментальные понятия богословия и антропологии, используя как лингвистические данные, так и цитаты Св. Писания, мысли Отцов Церкви и современных богословов. Такие смежные понятия, как Бог и творение, личность и природа, вечность и время и другие, начинают играть перед взором читателя новыми красками в увлекательном изложении автора.

Для меня особенно интересным оказалось то, что красной нитью сквозь всю книгу проходит проблематика личности или персональности как Бога, так и человека. Владыка Антоний, понимая всю историческую и богословскую дискуссионность понятия личности, различные трудности и недопонимания, роящиеся вокруг богословия персоны, тем не менее настаивает на необходимости дальнейших размышлений и поиска новых идей в этой актуальнейшей сфере теологии и антропологии. И, согласно мысли владыки Антония, чем больше мы пытаемся приоткрыть для себя понятие личности, тем более таинственным оно предстает перед нашим мысленным взором. А ведь именно таким свойством неисчерпаемости наделено, согласно мысли отцов Церкви, подлинное познание как Бога, так и богоподобного творения.

Мыслитель-иерарх заведомо предостерегает нас от ограничительного представления о личности в Боге, как свойственно нам в обыденности

думать о личности человека как заведомо ограниченного существа. Впрочем, он предостерегает нас от однобоких интерпретаций любых богословских терминов. Посредством понятия личности автор ведет нас к тайне уникальности, несводимой к набору тех или иных индивидуальных характеристик, способных помочь нам различить, но не определить личность как таковую, уникальности, выражаемой прежде всего в жизненной тайне общения.

Владыка, со свойственной ему проникновенностью, здравой смелостью, с определенным дерзновением опытного мыслителя, священнослужителя и теолога-антрополога, рассматривает трудные вопросы понимания персональности во внутри-троичном бытии, одновременно прилагая свои выводы к описанию жизни творения, отражающего в своем бытии тайны Бытия Того, Кто подлинно существует!

Высокопреосвященный автор предлагает очень интересное прочтение смыслов акта творения Богом мира с точки зрения свободы личности и самоотдачи. Он почти во всяком догматическом вопросе вновь и вновь предстоит тайне личностного бытия человека, созданного по образу Бога.

Яркие образы, которыми владыка Антоний пользуется для описания духовной реальности, западают в душу. Чего стоит, например, сравнение личности каждого человека с неповторимой

мозаикой, которая должна научиться пропускать сквозь себя нетварный Свет, чтобы реализоваться самой и привлекать к себе взор, переливаясь своими особенностями.

Многие мысли, выраженные в книге, оказываются очень полезными для христианина в его духовной жизни. Так, например, отношение митрополита Антония к сомнениям в тех или иных постулатах веры заставляет воспринять их не только как отрицательное явление, но и как этап роста и преодоления тех ограниченных представлений, которые христианин воспринял в предыдущий период своего становления.

Трепетное, деликатное отношение к личности ближнего сродни для Владыки предстоянию Христу, Который сокровенно пребывает в каждом человеке, конечно, в большей или меньшей степени, но абсолютно реально для его подлинно евангельского взгляда на мир.

Автор предлагает внимательнее отнестись к материи мира и тела человека, которые, будучи созданы Творцом, отнюдь не являются причиной духовных проблем, испытываемых человечеством в его земном бытии. Владыка фокусирует наше внимание на Боговоплощении как кульминации откровения об отношении Бога к человеку и его природе. Если многие на ранних ступенях своего духовного развития смотрят на материю и тело как на что-то враждебное свободе духа

*Метродий, епископ Егорьевский*

человека, то, вполне в согласии со святоотеческим преданием, владыка Антоний подсказывает, что материя представляет собой тот топос, то «место», в котором, собственно, совершается спасение наших душ.

Не хотелось во вступлении очерчивать содержание книги, которая представляется мне интересной на всем ее протяжении и выстроена согласно ходу Символа. Хочется, чтобы каждый читатель мог сам для себя приоткрыть мир веры и мысли, молитвы и переживаний об отношениях человека и Бога, человека с человеком столь дорогого для многих приснопамятного владыки Антония.

*Метродий (Зинковский), епископ Егорьевский,  
ректор Православного Свято-Тихоновского  
гуманитарного университета*

# ПРЕДИСЛОВИЕ

Митрополит Антоний не любил, когда его называли богословом. При упоминании о богословах в его голосе порой проскальзывали суровые и раздраженные нотки. Но недоверие у него вызывал только особый род богословия, которое он сравнивает здесь с препарированием, — разговор о Боге, не имеющий связи с действительностью и с самой верой, отдаление от Живого Бога.

Таким богословом он не был и быть не мог. В то же время в этой книге он совершенно определенно раскрывается как богослов — в том же смысле, в каком богословами были Отцы Церкви, — как человек, говорящий от сердца, наполненного единством восприятия и отклика, которые являет собой деятельная жизнь общины. Он умело и тонко рассматривает разные виды уверенности и разные виды сомнений, встречающиеся на пути человека, и показывает, как можно жить в состоянии веры, не основанной исключительно на личной убежденности, но и не навязанной извне. В вере имеется элемент преображающей личной встречи — кому, как не ему, об этом знать! — но есть в ней и постепенное развитие отношений с теми, у кого мы учимся. Христос присутствует и в том,

и в другом. Научение помогает нам признать, что механизмы, которые представлялись нам более или менее подходящими для восприятия истины о Боге, могут оказаться слишком мелкими или хрупкими, чтобы выдержать этот груз. Мы должны научиться «сомневаться» с надеждой, чтобы сохранить крупицу здоровой отстраненности в отношении применяемых нами формул. Даже если мы полностью принимаем их в качестве надежных проводников на пути к Богу, сами они этим путем не являются, и наше возрастание до Христа даст нам больше, чем может дать повторение общепринятых истин. В этом нет релятивизма или агностицизма (в подтверждение чего он приводит весьма уместные цитаты из трудов православных богословов, пользующихся безупречной репутацией) — одно лишь острое осознание того, что слова и образы всегда приводят нас к чему-то большему.

Поэтому он часто переформулирует или перефразирует ту или иную историческую богословскую проблему таким образом, чтобы помочь нам увидеть изначально неправильную постановку вопроса. Почитайте, что он говорит, например, о свободе или о суде и наказании. Почитайте, в чем, по его мнению, состоит первородный грех: человек видит невыносимую красоту Бога, но не может и не хочет удержаться и отойти от соблазна осознания своей собственной красоты подобия Богу, чтобы дать родиться совершенному и наполняющему

## *Предисловие*

все сиянию вечного прообраза. Или взять его комментарий по поводу ставшего предметом бурных обсуждений «греха против Духа Святого» как категорического отказа назвать и принять дар, находящийся в центре опыта человека, отрицания известной нам истины и, следовательно, закрепления своего плена. Он неоднократно говорит о несостоятельности различных богословских споров в поиске неопровержимого решения той или иной проблемы — это особенно очевидно в отношении «проблемы зла». Не раз владыка Антоний указывает на точку, с которой вопрос выглядит совершенно иначе и которая предполагает постоянное благоговение и покаяние.

В своих беседах и текстах (важно помнить, что он прежде всего был проповедником, а потом уже писателем и что сила и вес его утверждений во многом определялись контекстом личного общения) он часто стремится не одержать верх в споре, а помочь нам остановиться и посмотреть на проблему более терпеливо и внимательно. Перечень источников, на которые он опирается, поражает своей широтой — от первых Отцов Церкви до великих современных богословов, таких как Флоровский и Лосский, а также беллетристов, художников и людей общей с ним веры и сослужащих ему, которые делятся своим жизненным опытом. Как он сам иронично замечает, ему нравится строить свою аргументацию на этимологии — взять хотя бы сделанный им разбор

слов, обозначающих понятие «истина» на греческом, русском, еврейском языках и латыни. И хотя серьезный ученый-лингвист мог бы приписать его изыскания разыгравшемуся воображению, митрополиту Антонию удастся подсветить значения некоторых слов и заглянуть в потаенные уголки их смысла за счет отсылок к перекликающимся и связанным понятиям (даже если связь между ними является плодом его фантазии).

Это изложение христианской веры во всей ее исторической полноте, без стеснения и уклончивых пояснений. Автор признаёт те аспекты исторических фактов, которые могут вызвать чувство неловкости, и рассматривает их в общем контексте уверенно и без экивоков, заставляя читателя задуматься над тем, что значит та или иная формулировка для человека, стремящегося возрасть в любви и служении Богу. Например, он серьезно и сочувственно рассуждает о бесстрастии Бога, утверждая, что Бог не может быть пассивным; не следует представлять себе Бога далеким и незаинтересованным или беспомощным перед страданиями тварного мира, или обрушивающим на наши головы потоки бедствий. О вопросе «вечных мук» в наказание за грехи он тоже говорит с серьезной нравственной позиции, лавируя между прямолинейными утверждениями о гарантированном всеобщем спасении и неприемлемо жесткой и безжалостной картиной Божьего суда. Конечно, Бог прощает; конечно, Его

## *Предисловие*

суд опирается на единение Христа со всем родом человеческим. Но прощение еще не есть перемена, из него ничего автоматически не следует. Мы можем на все надеяться, но ошибаемся, если уповаем не на надежду, а на теоретизирование.

Митрополит Антоний был одним из величайших учителей христианской молитвы в XX веке, и даже спустя два десятилетия после его смерти его международное влияние ничуть не ослабевает. В этих лекциях, отредактированных настолько бережно и грамотно, что они не утратили своей непосредственности и живости, можно найти твердое основание всех его практических духовных наставлений в обширной сфере православной веры и традиции. Христианское учение «работает», привлекает, убеждает, призывает, открывая дверь в живую действительность обновленного и усиленного примирения с Богом во время каждой личной или общей молитвы, а напоминание о красоте образа взаимодействия Бога с миром побуждает нас к молитве и способствует ее углублению. Мы нуждаемся в том, чтобы нам объяснили эту красоту — не потому, что это стройная теория, а потому лишь, что она указывает нам путь к свободе. Именно это и делает так замечательно в своей книге владыка Антоний.

*Роуэн Уильямс,  
Архиепископ Кентерберийский  
(2003–2012)*

# ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Прошло уже больше пятидесяти лет с тех пор, как я сидел на хорах в Кембриджской университетской церкви среди тысячи других посетителей и слушал проповеди митрополита Антония о Боге, в Которого я верю. Владыка пробыл у нас еще неделю: по вечерам говорил о вере, в обед — о молитве, а по утрам вел неформальные беседы. В понедельник вечером я сходил на беседу о вере и к концу недели уже посещал все три встречи каждый день. Это событие стало для меня поворотным пунктом на пути к принятию священнического сана.

Он дал мне и многим другим такое представление о христианской вере, которое не ограничивается посещением литургии, соблюдением свода нравственных правил или изучением Библии. Это было приглашение встретиться с Живым Богом, Который приходит к нам через Христа. Его слова вызвали отклик у многих из нас в то время поисков, в семидесятые годы. Книги, проповеди, беседы и телевизионные интервью митрополита Антония направляли наш путь к вере.

Это представление сформировалось из его жизненного опыта: родился он в Швейцарии в семье русского дипломата, детство провел в Персии, потом выживал во французской эмиграции, получил медицинское образование и служил врачом во Вторую мировую, после войны был назначен священником в приход в Лондоне, а в итоге стал епископом и митрополитом. Его вера была укоренена в учении Отцов ранней Церкви и русской монашеской традиции, но развивалась в современном западном обществе. Его слова и личный пример были так убедительны, что оживляли в людях веру.

Я продолжал размышлять об этом, посещая богослужения в русском соборе на Эннисмор-Гарденс, где особенно сдружился с о. Иоанном Ли, диаконом (впоследствии — протоиереем), который близко общался с митрополитом Антонием в последние годы его жизни. Кроме того, я участвовал в работе экуменических организаций, таких как Содружество св. Албания и св. Сергия, а позднее — Институт православных исследований в составе Кембриджского университета, которые митрополит Антоний поддерживал и направлял.

Конференции, организованные Фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», помогли шире распространить такой подход к богословию, и идея издать эту книгу появилась именно при посещении Фонда

в Москве<sup>1</sup>. В ходе встречи с о. Петром Скорером и Еленой Юрьевной Садовниковой, которые на тот момент возглавляли британское и российское отделения Фонда, мне передали объемный документ почти на триста тысяч слов — подготовленную Эстер Уильямс расшифровку тридцати девяти бесед, проведенных в соборе в период с октября 1977 года по май 1980-го. В этих беседах слушателю — а теперь и читателю — пояснялся глубокий смысл различных положений Символа веры.

Большинство книг митрополита Антония представляют собой сборники бесед, проповедей и статей о молитве и других аспектах христианской веры. В этих же беседах содержится полный и подробный рассказ о его подходе к вере и раскрываются все пункты Символа веры. Это системный и комплексный взгляд на веру.

С той самой встречи в Москве я стал работать над текстом: сокращал, адаптировал устную речь к письменной, подбирал и распределял материалы. Кроме того, я добавил краткие биографические

---

<sup>1</sup> Джон Биннс принимал участие во Второй международной конференции по наследию митр. Антония в Москве. Его выступление «Живое свидетельство веры: митрополит Антоний и его служение студентам» опубликовано в: Человек в богословии митрополита Антония Сурожского. Доклады Второй международной конференции 11–13 сентября 2009 г. Москва. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2013. С. 22–33. *ЗПримеч. ред.*

## *Вступительное слово*

характеристики богословов и писателей, на которых ссылается митрополит Антоний, чтобы показать разнообразие задействованных им источников. При этом я постарался сохранить смысл его слов и особый стиль речи.

Читая эту книгу, мы словно вновь встречаемся лицом к лицу с великим наставником в вере и слушаем, как он делится своими мыслями и опытом. Это не просто сборник бесед. Это приглашение к личной и близкой встрече с верой.

*Джон Биннс,  
приглашенный профессор  
Института православных  
исследований Кембриджского  
университета*



ЖИВОЙ  
СИМВОЛ  
ВЕРЫ

# ВВЕДЕНИЕ

## КАК ЧИТАТЬ СИМВОЛ ВЕРЫ

В этих беседах я не пытаюсь всесторонне проанализировать Символ веры или полностью изложить вероучение Церкви, но надеюсь оживить в нас ощущение того, что значит наша вера.

Я хотел бы предварить беседы несколькими комментариями.

Во-первых, Символ веры, который читается во время богослужений и в других случаях, — это не единственное святоотеческое изложение основ нашей веры, используемое в Церкви и в христианстве в целом. В то же время он представляет собой полное и окончательное выражение веры Церкви, сформированное в процессе осознания глубины и полноты знания о Боге, переданного через Святого Духа, явленного в Писании, воспринятого святыми и единого для всей общины верующих.

Вместе с тем это еще и литургическая формула в том смысле, что она отражает веру всего народа Божьего и личную веру человека. Заявляя о своих убеждениях, каждый из нас произносит: «Верую!» — и при этом принадлежит к совокупности

людей, которые через веру и опыт убедились в том, что Бог, о Котором говорится в Писании, — это Бог, Которому мы доверяем, и в этом состоит вера Церкви. Мы заявляем о своей вере во время литургии, собирая Церковь, которая представляет собой таинственное соединение Бога и человечества в едином теле, в единой встрече, в единой жизни. Литургия в Церкви — это место запечатления Символа веры. Молитвы святых, учения святых отцов и, прежде всего, жития святых и таинственная жизнь Церкви Божьей — это основные составляющие понимания Символа веры.

Символ веры относится к двум уровням церковного сознания. Во-первых, это провозглашение веры, которое мы должны произнести перед вступлением в лоно Церкви. Символ веры читается перед принятием святого крещения. Кроме того, каждый христианин, который добросовестно совершает утреннее молитвенное правило, тоже произносит и провозглашает Символ веры, каждый день воссоединяясь с таинством веры Церкви и таинством церковной жизни.

Во-вторых, следует помнить, что Символ веры, который мы читаем, стоя на пороге Церкви, не есть такое изложение веры, которое со временем может быть заменено у членов Тела Христова мистическим опытом и другими учениями. Символ веры читается во многих других обстоятельствах — например, его произносит епископ в день

своего рукоположения, — и это говорит о том, что он отражает полноту вероучения всей Церкви.

В то же время Символ веры, который мы читаем во время литургии, исповедуя свою веру, не есть лишь введение в вероучение. Как и все остальное в христианстве, он в простой и доступной форме выражает бесконечную неизмеримую глубину содержания и понимания.

Чтению Символа веры на православной литургии предшествует возглас дьякона: «Двери, двери! Премудростию вонмем!» Эти слова означают, что в данный момент литургии двери закрываются для посторонних, поскольку начинается евхаристический канон, предназначенный только для верных. Однако св. Максим Исповедник упоминает еще об одном значении. Слово «двери» относится к затворению врат истории и вступлению в эсхатологию, конец времен<sup>1</sup>. Мы должны закрыть врата времени, врата временного бытия и войти туда, где через веру, созерцание, Воплощение и данное Самим Богом откровение мы видим исполнение

---

<sup>1</sup> Ср.: «Заккрытие врат Святой Церкви Божией, бывающее после священного чтения святого Евангелия и удаления оглашенных, показывает преходящесть перстных и вступление достойных в духовный мир, то есть в брачный чертог Христов, которое произойдет после того страшного отделения и еще более страшного Суда». — *Максим Исповедник*. Мистагогия, 15 // Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. I. М.: «Мартис», 1993. С. 172. — *Здесь и далее — примечания научного редактора.*

всего. Итак, возглас «Двери, двери! Премудростию вонмем!» переносит нас за пределы видимого — к невидимому, где соединяются трансцендентная и имманентная неприступная святость Бога и Его присутствие среди нас. Произнося слова Символа веры, основанные на нашем земном человеческом опыте, мы говорим о том, что находится за пределами видимого и познается только через таинство веры и таинство причащения.

Перед чтением Символа веры есть и другие слова, которые готовят нас к провозглашению тайны столь же глубокой, как Бог, как человечество и как их встреча, — возглас священнослужителя: «Мир всем!» Это мир Божий, который превосходит всякое разумение, который неколебимо сохраняется в эпицентре жизненной бури, который уже сейчас делает нас причастниками покоя, устойчивости и ощущения исполнения и победы грядущего века. Только в мире с Богом, своей совестью, своими ближними и всем, что нас окружает, можно вступить в эту таинственную часть литургии. Разве не сказал Господь: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим» (Мф. 5: 23–24)? Потому что Бог может дать нам мир, чтобы мы обрели способность приближаться к провозглашению Бога, открывающегося через Христа: «Возлюбим друг друга, да

единомыслием исповемы Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».

Бог, о Котором мы свидетельствуем, есть Бог любви. Нельзя познать Бога, не обрета любви. «Кто говорит: „я люблю Бога“, а брата своего ненавидит, тот лжец», — утверждает св. Иоанн Богослов (1 Ин. 4: 20). Лишь преодолевая наши разделения, нашу человеческую немощь, трения и конфликты, мы можем войти в таинственное царство божественной любви и истинно и подлинно исповедать Господа.

Так что Символ веры — это не только изложение интеллектуальных убеждений; это новая жизнь.

Мы говорим: «Двери, двери!» — и вступаем туда, где прекращается история в восприятии неверующих людей. Туда, где история берет свое начало в Боге и устремляется к Богу как к своей конечной точке. Центром ее является Воплощение, которое составляет ее полный, окончательный и великий смысл. Мы вступаем туда, где все уже совершилось во Христе и в то же время совершается для нас в замысле и осуществлении спасения. И только с этим ощущением, что за видимым есть невидимое, что за такими ясными и простыми словами Символа веры стоит неизмеримая глубина божественного присутствия, осознаваемая только в Церкви в средоточии ее молитвы и святости, через пребывание и активное действие Бога среди нас и внутри нас, мы можем приблизиться к чтению, произнесению и проживанию Символа веры.